

сокрушается о том, что смерть великих людей вызывает массу слухов и сомнительных сведений, которые в огромном количестве публикуют разные «воспоминатели» и «хулители». Центральная же часть фельетона посвящена рассказу о давнишнем эпизоде, свидетелем которого был автор. В редакции одного «богатого и распространенного издания», где сотрудничал тогда он, начинающий литератор, «раза три или четыре в месяц» собирались все сотрудники, и конторщик приносил список должников. И каждый раз «стоящий во главе издания писатель, глава и заправила, громкое литературное имя» читал этот список вслух.

« — И Н. Н. такой-то — 1000 рублей. . . — слышали мы все. — Когда же это кончится? Это черт знает что. Напишите ему. . .

— Да уж писали-с.

— Ну и что ж?

— Просит подождать, заплатит. . .

— Заплатит! . . . Ждите вы его. . . »

И вот неожиданно для всех умирает писатель-должник, и молодой тогда автор вместе с приятелем решил поклониться его праху. Однако они не смогли попасть в «бедную квартирку» покойного, так как и квартира, и лестница, и все прилегающие улицы оказались запружены самым разнообразным народом. Почтателями умершего писателя оказались бедные женщины, старики, даже нищие и проститутки. Многие тут же рыдали на улице. В первый раз почувствовал молодой журналист значение литературы для общества. И обидным контрастом по отношению ко всему увиденному показалось ему состоявшееся в тот же день очередное собрание в редакции журпала, когда имя покойного писателя снова было названо в числе должников.

« — Ну вот. . . „заплатит-с!“ . . . ха, ха. Зачеркните», — сказал он конторщику.

Хотя в фельетоне С. Атавы не названы имена, очевидно, что под «богатым и распространенным изданием» фельетонист подразумевал «Отечественные записки», под «стоящим во главе писателем» — Салтыкова-Щедрина, а под писателем-должником — Достоевского. Это сразу поняла А. Г. Достоевская, которая была задета статьей, несмотря на то, что фельетон «Умерший писатель» проникнут сочувствием и уважением к ее покойному мужу и иронией в адрес Салтыкова-Щедрина. Вдова Достоевского направила письмо в редакцию «Нового времени», которое было опубликовано 5 февраля 1886 г. в № 3574:

«Милостивый государь». В № 3568 „Нового времени“ помещена статья г. Сергея Атавы „Умерший писатель“. В этой статье рассказана история одного известного писателя, взявшего в редакции одного журнала 1000 руб., не платившего своего долга, несмотря на частые напоминания, и умершего, не заплатив должных денег. По всем признакам ясно, что тут говорится о моем покойном муже Федоре Михайловиче Достоевском и о редакции „Отечественных записок“. Далее А. Г. Достоевская сообщила: «Когда окончилось печатание „Подростка“, П. А. Не-

красов просил Федора Михайловича о дальнейшем сотрудничестве и Федор Михайлович обещал написать небольшую повесть, в 3-4 печатных листа, причем получил от 12-го июня 1876 г. тысячу рублей». После смерти Некрасова Салтыков напоминал Достоевскому о повести, и тот обещал ее написать, указала Анна Григорьевна. «Никаких напоминаний или требований о возврате 1000 руб. деньгами, а не повестью Федор Михайлович от редакции не получал, — подчеркивала она, — а если бы получил, то непременно уплатил бы тотчас же, как бы это ни было ему трудно, он постоянно думал, что у него найдутся, между его большими работами, два-три свободных месяца, и он напишет повесть для „Отечественных записок“. К несчастью, ему не пришлось исполнить своего намерения». И наконец, вдова писателя сообщила, что возвратила долг своего мужа, связавшись через В. И. Гаевского с редакцией «Отечественных записок», о чем имеет расписку А. А. Краевского от 11 мая 1884 г.

Приведенные материалы, во-первых, полностью подтверждают тот факт, что Достоевский собирался сотрудничать с «Отечественными записками» после опубликования там «Подростка», а во-вторых, указывают на некоторые детали в истории и характере взаимоотношений Достоевского как с Некрасовым, так и с Салтыковым-Щедриным.

Б. Н. ЛЮБИМОВ

ЕЩЕ РАЗ ОБ ОДНОМ ИСТОЧНИКЕ «БРАТЬЕВ КАРАМАЗОВЫХ»

В журнале «Русская литература» была опубликована содержательная заметка В. Н. Криволапова «Об одном источнике „Братьев Карамазовых“». Автор верно указал на книгу «Жизнеописание оптинского старца Леониды (в схиме Льва)» (Изд. Козельской Введенской-Оптиной пустыни. М., 1876), названную в свое время Л. П. Гроссманом в числе книг из библиотеки Достоевского,² как на источник некоторых сюжетных и идейных мотивов «Братьев Карамазовых». Наблюдения В. Н. Криволапова можно было бы дополнить. В главе «Старцы» (часть первая, книга первая, глава V) повествователь, сожалея, что чувствует себя «не довольно компетентным и твердым» в вопросе о старчестве, излагает суть дела «малыми словами и в поверхностном изложении»: «. . . старцы и старчество появились у нас, по нашим русским монастырям, весьма лишь недавно, даже лет и ста лет, тогда как на всем православном Востоке, особенно на Синае и на Афоне, существуют далеко уже за тысячу лет. Утверждают, что существовало старчество и у нас на Руси во времена древнейшие или непременно должно было существовать, но вследствие бед-

¹ Рус. лит., 1985, № 2, с. 177—179.

² Гроссман Л. Библиотека Достоевского. Одесса, 1919, с. 154.

ствий России, татарщины, смут, перерыва прежних сношений с Востоком после покорения Константинополя установление это забылось у нас и старцы пресеклись. Возрождено же оно у нас опять с конца прошлого столетия одним из великих подвижников (как называют его) Паисием Величковским и учениками его, но и доселе, даже через сто почти лет, существует весьма еще не во многих монастырях и даже подвергалось иногда почти что гонениям, как неслыханное по России попечение» (14, 26). А вот как об этом рассказывается в указанном издании: «Старчество процветало в древних Египетских и Палестинских кивориях, впоследствии пасажено на Афоне, а с востока перенесено в Россию. Но в последние века, при всеобщем упадке веры и подвижничества, оно понемногу стало приходить в забвение, так что многие даже начали отвергать его. Уже во времена Пила Сорского старческий путь многим был ненавистен, а в конце прошедшего столетия и почти совсем стал ненавистен. К восстановлению в России этого, основанного на учении св. отцов, образа монашеского жития много содействовал знаменитый и великий старец архимандрит молдавских монастырей Паисий Величковский».

Думается, что «малые слова» повествователя «Братьев Карамазовых» являются пересказом составленной «специальными и компетентными людьми» книги «Жизнеописание оптинского старца Леонида».

Изложение особенностей старчества тоже является своеобразным конспектом указанной книги.³

Показательны и следующие совпадения. В качестве примеров «неразрушимой связи» между старцем и его духовным сыном Достоевский приводит два примера. И в указанном источнике романа тоже упоминаются два случая, поражающие «несхожим подобием» с романом Достоевского. Ср.:

«Пр. Феодор Студит пишет: один старец не раз приказывал ученику своему исполнить некоторое дело, но тот все отлагал. Недовольный сим старец в негодовании наложил на ученика запрещение, не вкушать хлеба, пока не исполнит порученного дела. Когда ученик пошел, чтобы исполнить повеленное, старец умер. После его смерти ученик желал получить разрешение от паложного на него запрещения. Но не нашлось никого в пустынной местности, кто бы решился разрешить это недоумение. Наконец ученик обратился с своею просьбою к константинопольскому патриарху Герману, который для рассмотрения этого дела собрал других архиереев.

«...одна из наших современных иноков спасался на Афоне, и вдруг старец его повелел ему оставить Афон, который он излюбил как святыню, как тихое пристанище, до глубины души своей, и идти сначала в Иерусалим на поклонение святым местам, а потом обратно в Россию, на север, в Сибирь: „Там тебе место, а не здесь“. Пораженный и убитый горем монах явился в Константинополь ко вселенскому патриарху и молил разрешить его послушание, и вот вселенский владыка ответил ему, что не только он, патриарх вселенский, не может разрешить его, но и на всей земле нет, да и не может быть такой власти, которая бы мог-

Но ни патриарх, ни собравшийся собор не нашли возможным разрешить епитимью старца, о котором даже неизвестно, имел ли он степень священства. Посему ученик до смерти принужден был питаться пищею из одних овощей».⁴

«В Прологе 15-го октября повествуется: В ските жили монахи, который в продолжении многих лет был послушлив своему отцу; наконец по зависти бесовский отпад от послушания, и без всякой благословной прищипы ушел от старца, презрев и запрещение; ибо он имел от старца запрещение за непослушание. Пришедши в Александрию, он был схвачен и принужден тамошним князем отречься Христа, но остался непоколебим в твердом исповедании веры и за это был мучен и предан смерти. Христиане того града взяли тело нового мученика, положили в раку и поставили оную в святом храме. Но в каждую литургию, когда диакон возглашал: елицы оглашенные извидите, рака с телом мученика, к удивлению всех, невидимою силою выносилась на паперть, а по окончании литургии сама собою поставлялась опять в храме. Один александрийский вельможа молился о разрешении этого недоумения; и ему открыто было в видении, что замученный монах был ученик такого-то старца, и за непослушание был связан от него; как мученик, он получил венец мученический, а как связанный запрещением старца, не может оставаться при совершении божественной службы, пока связавший не разрешит его. Тогда же отыскан был старец, который пришел в Александрию и разрешил связанного от запрещения. С того времени рака уже никогда не трогалась с своего места».⁵

та разрешить его от послушания, раз уже паложного старцем, кроме лишь власти самого того старца, который наложил его» (14, 27).

«Рассказывают, например, что однажды, в древнейшие времена христианства, один таковой послушник, не исполнив некоего послушания, возложенного на него старцем, ушел от него из монастыря и пришел в другую страну, из Сирии в Египет. Там после долгих и великих подвигов сподобился наконец претерпеть истязания и мученическую смерть за веру. Когда же церковь хоронила тело его, уже чья его как святого, то вдруг при возгласе диакона: „Оглашенные, извидите!“ — гроб с лежащим в нем телом мученика сорвался с места и был извергнут из храма, и так до трех раз. И пакопец лишь узнали, что этот святой страстотерпец нарушил послушание и ушел от своего старца, а потому без разрешения старца не мог быть и прощен, даже несмотря на свои великие подвиги. Но когда призванный старец разрешил его от послушания, тогда лишь могло совершиться и погребение его. Конечно, всё это лишь древняя легенда» (14, 27).

Приведенные факты еще раз подтверждают вывод В. Н. Криволапова относительно книги «Жизнеописание оптинского старца Леонида» как об одном из источников «Братьев Карамазовых», лишней раз подчеркивают многообразие источников творчества Достоевского, своеобразие усвоения им любого жизненного, книж-

³ См.: Жизнеописание оптинского старца Леонида..., с. 29—35.

⁴ Там же, с. 32—33.

⁵ Там же, с. 33—34.

ного, идейного мотива и напоминают о необходимости дальнейшей разработки темы «Поздний Достоевский и „старчество“».

Наконец, существует и еще один биографический вопрос: не послужила ли указанная книга толчком к известной поездке Достоевского и Вл. Соловьева в Оптиную пустынь в 1878 г., т. е. спустя два года после издания книги, не она ли пробудила специфический интерес Достоевского именно к «старчеству»?

Г. Ф. КОГАН

ИЗ ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО МУЗЕЯ ДОСТОЕВСКОГО¹

Музей-квартира Ф. М. Достоевского в Москве, созданный в 1928 г., долгие годы оставался не только первым, но и единственным музеем памяти великого писателя. Ныне, с 1971 г., уже во всех городах нашей страны, куда забрасывала Достоевского судьба, есть его музеи: и в городах Сибири — в Семипалатинске, Омске и Кузнецке, где прошли годы его изгнания, и в старинном городе Старая Русса, где он жил в последние годы своей жизни, и в Ленинграде, в доме, где он скончался, и даже в Оптиной пустыни близ Козельска, где он провел всего два дня. Маленькие музеи Достоевского созданы и в селе Даровом, близ Зарайска, где он бывал в детские годы, и в селе Достоево, откуда пошел род Достоевских. Московский музей во все годы своей работы не оставлял без внимания все эти города, беспокоясь о состоянии мест, связанных с Достоевским. Так, в 1946 г. он запрашивал Старорусский горсовет о сохранности дома Достоевского после войны. Совместно с общественностью Старой Руссы нами были приняты поиски материалов, находившихся в доме писателя и утраченных при оккупации города фашистами, начаты хлопоты по организации музея. В 1965 г. после поездки по городам Сибири музей обратился на страницах «Литературной газеты» с письмом (подписанным К. А. Фединым, Л. М. Леоновым, В. Г. Лидиным, В. Я. Кирпотным, М. Никитиным), призывающим общественность сохранить в Семипалатинске, в Кузнецке дома, в которых жил Достоевский, и создать в них музеи. Решение Семипалатинского горсовета об освобождении дома Достоевского для музея последовало в том же году.

В истории музейного дела известно правило о сохранении коллекций, но московский музей нарушил эту традицию ради памяти Достоевского, передав ленинградскому многие подлинные материалы из части коллекции А. Г. Достоевской, имеющие прямое отношение к дому в Кузнецком переулке.

До открытия музея в Старой Руссе в библиотеке города на курорте были организованы выставки, посвященные писателю, а

¹ Продолжение. Начало см. в кн.: Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1984, т. 6. — Воспоминания В. С. Нечасовой.

в Москве при музее был создан актив старорусского землячества, ставший деятельным помощником музея в поисках старорусских реликвий. Такое же землячество было создано при музее из москвичей — бывших жителей Козельска. В постоянных заседаниях, на которых обсуждались вопросы о необходимости сохранения памятников, связанных с именами Л. Толстого и Ф. М. Достоевского, и организации музея в Оптиной пустыни, принимали участие старые большевики, организаторы Советской власти в Козельске, первый директор музея-заповедника Оптиной пустыни имени Ф. М. Достоевского — поэтесса Н. А. Павлович, ректор МГУ им. М. В. Ломоносова И. Г. Петровский, внуки Л. Н. Толстого — Илья Ильич и Владимир Ильич, З. Д. Фурманова (дочь писателя), Т. В. Таманская, та, которой Л. Толстой дал 28 ноября 1910 г. свой последний автограф (на дороге между Белевом и Козельском), директор Козельского краеведческого музея В. П. Сорокин. В этих заседаниях принимал участие и музей Л. Н. Толстого. В июне 1965 г. Министерство культуры РСФСР поддержало совместное ходатайство московских музеев Достоевского и Толстого о сохранении и восстановлении архитектурных памятников Оптиной пустыни, которые должны стать заповедными.

Музей постоянно изучал состояние всех мест, имеющих отношение к Достоевскому. Так, в 1969 г. нами впервые был повторен маршрут, который совершил Достоевский летом 1877 г., когда проехал около 4000 верст до самого края России, направляясь в деревню Малый Прикол, Сужанского уезда, Курской губернии близ Мирополья (ныне УССР). Здесь он провел все лето в усадьбе агронома — брата своей жены И. Г. Сниткина. Усадьба не сохранилась. Во все города, которые Достоевский проезжал, направляясь в Мирополье, мы направили материалы для краеведческих музеев, где появились уголки, посвященные писателю (Суджа, Мирополье, Малый Прикол, Большой Прикол, Корнево). Пройден был нами и весь путь Достоевского к Оптиной пустыни, куда он выезжал летом 1878 г., и это позволило сделать вывод, что сценическая площадка, на которой развивается действие «Братьев Карамазовых», много шире, чем полагали до сих пор.² Нами была сделана попытка розысков материалов (корзины с рукописями), оставленных А. Г. Достоевской в Киеве. Удалось найти Григория Прокофьевича Григорьева, который беседовал с А. Г. Достоевской в поезде в 1916 г.

Основными видами работы музея являлись научное комплектование фондов, научно-исследовательская работа, изучение и пропаганда творчества Достоевского. Музей сумел значительно обогатить свои фонды, выявив и разыскав в частных коллекциях и архивах страны множество неизвестных материалов, представляющих достояние мировой культуры. Были получены в дар

² См.: Коган Г. Достоевский на дорогах России. — Лит. газ., 1975, 25 дек.